

Шекспир в армянской действительности

НИ ОДНО имя не пользовалось и не пользуется в истории всемирной литературы такой известностью и популярностью, как имя Шекспира.

Мы не ошибемся, если скажем, что ни об одном писателе, будь то Гете или Толстой, не написано столько, сколько о Шекспире.

После смерти Шекспира английский драматург Бен Джонсон сказал пророчески: Шекспир принадлежит не только своему веку, он принадлежит всем временам. Эти слова нуждаются лишь в одном добавлении: Шекспир принадлежит не только англичанам, он принадлежит всем народам.

О Шекспире, действительно, написано очень много. Нередко вокруг Шекспира разгоралась яростная борьба идейных противников: боролись за него и против него. Нередко копия угрожала самому Шекспиру. Против него поднялись такие величины, как Вольтер и Толстой. И все же Шекспир остался Шекспиром, он прошел через века и дошел до наших дней.

В нашей многонациональной стране шекспировский театр подлинно народный театр, носитель и проводник высоких гуманистических идей.

Имя Шекспира знакомо армянам еще с XVII века. На торжестве, которое состоялось в 1916 году в Лондоне в связи с 300-летием со дня смерти Шекспира, выступил сын романиста Раффи — Арам Раффи. Он заявил в своем докладе, что имя великого английского драматурга упоминалось в книге, вышедшей на армянском языке в конце XVII века. Книга называлась «Цветок познания». У нас нет никаких оснований подвергать сомнению сообщение Арама Раффи. Однако все усилия исследователей, направленные на поиски этой книги, пока не увенчались успехом. В XVIII веке имя Шекспира в армянской действительности было уже хорошо известно. Деятель армянского национально-освободительного движения Иосиф Эмин в своих воспоминаниях «Моя жизнь и приключения» несколько раз говорит о Шекспире и упоминает его пьесы «Отелло» и «Венецианский купец». Эмин был лично знаком с английским трагиком, прославленным исполнителем шекспировских ролей Давидом Гарриком.

Если прежде имя Шекспира только просто упоминалось в армянской литературе, то в первой половине XIX века делаются попытки литературоведческой оценки творчества великого драматурга. Первый шаг в этом направлении сделал Саркис Тигранян. «В истории мировой драматургии», — писал он в 1834 году, — Шекспир величина первого класса, несравненная личность, подобной которой не было ни до, ни после».

Шекспироведение начинается у нас с Тиграняна. Впоследствии английскому автору посвятили много страниц наши выдающиеся поэты Иоаннес Иоаннисян, Ованес Туманян, Аветик Исаакян.

Первые попытки перевода шекспировских пьес на армянский язык делались в двадцатых годах прошлого века. В индийской армянской печати, — в журнале «Штемаран» и в других армянских периодических изданиях имя Шекспира и переводы из его пьес встречаются довольно часто. Переводы принадлежат виднейшим деятелям армянской литературы. Так, переводы фрагментов из «Ромео и Джульетты» и «Антония и Клеопатры» сделал известный ученый, профессор Лазаревского института восточных языков Мкртич Эмин. Предшественнику Хачатуря Абовяна, просветителю и поэту Месропу Тагигадяну, который одно время жил в Индии, принадлежат переводы из «Юлия Цезаря» (Речь Брута). В индийских армянских журналах напечатаны переводы из комедий «Два веронца» и «Сон в летнюю ночь».

Полностью пьесы Шекспира стали переводиться на армянский язык, начиная с пятидесятых годов прошлого века. В 1853 году в переводе А. Тэтэна выходит «Комедия ошибок». Позднее А. Тэтэна перевел также «Венециан-

ского купца», «Ромео и Джульетта» и «Гамлета».

Вслед за Тэтэном появляется целый ряд армянских переводчиков Шекспира — Георг Чмшкян, Аристанес Каскандилан, Георг Вархударян, Сенекерим Арцруни, Ованес Масеян, Степанос Малхасян и многие другие, известный армянский художник Вардгес Суренянц, писатель Ваан Тотовенц, актер Ваграм Папазян.

Среди переводчиков Шекспира занимает видное место Ованес Масеян. Он перевел двенадцать пьес Шекспира. Первый перевод «Гамлета» Масеяна издан в 1894 году.

В последующие четыре года Масеян опубликовал переводы пьес «Как хотите», «Ромео и Джульетта», «Король Лир». Спустя четверть века, Масеян издает в Вене, основательно переработав свои старые переводы «Гамлета» и «Венецианского купца». Одновременно он напечатал два новых перевода пьес «Макбет» и «Отелло». После смерти Масеяна среди его бумаг были найдены переводы еще шести других пьес Шекспира. По точности и близости к тексту и богатству художественной выразительности переводы О. Масеяна признаны классическими.

Масеян имел довольно много последователей. Самый плодотворный из них поэт Хачик Дашгенц, который перевел с оригинала и опубликовал двенадцать пьес Шекспира. Дашгенц продолжает работу над переводами. Он поставил себе высокую и благодарную цель собрать воедино все переводы шекспировских пьес, сделанные в прошлом, дополнить их переводами тех пьес, над которыми работает сам и другие переводчики, и в ближайшем будущем дать армянскому читателю всего Шекспира.

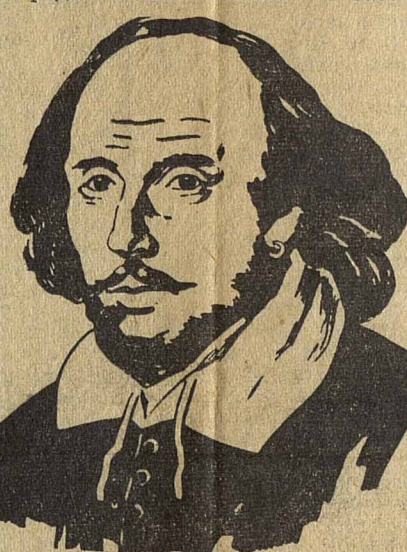
НА АРМЯНСКОЙ сцене Шекспир появился впервые в шестидесятых годах прошлого века.

В 1864 году в венецианском армянском колледже Мурад-Рафаэлян был поставлен «Макбет». Таким образом 400-летие со дня рождения Шекспира совпадает у нас со столетием со дня первого представления его пьесы на армянской сцене.

В 1867 году на константинопольской армянской сцене был поставлен «Макбет». В 1866 году тбилисский армянский театр показал «Венецианского купца», а через год «Отелло». В этих спектаклях принимали участие выдающиеся деятели армянской сцены Аюп Вардовян в «Макбете» и Георг Чмшкян в «Отелло» и «Венецианском купце».

Отнюдь не отрицая исторического, а также большого общест-

венного значения постановки этих пьес на армянской сцене, мы должны отметить, что с полной силой и во всю свою колоссальную мощь Шекспир начинает звучать на армянской сцене только с восьмидесятых годов, когда шекспировские образы воплощает Петрос Адамян. Он первый из наших актеров вышел за рамки национального театра. Его пятилетнее турне по городам России совпало с гас-

ролями таких актеров, как Сальвини и Росси, Поссарт и Барнай. Современники, особенно видные русские критики, считали, что Отелло и Лир Адамяна не слабее тех же образов, созданных Сальвини и Росси, а его Гамлет единодушно признавался выше любого Гамлета, которые были созданы всемирно известными трагиками от Эрнеста Поссарта до Муне Сюлли.

Адамян, не греша против историчности, представлял Гамлета печальным, но в то же время решительным, колеблющимся, волевым, временами желчным, но любящим людей, мучительно размышляющим над вопросами мира и жизни. Поднявшийся против несправедливости, Гамлет Адамяна был близок и понятен современникам. Он выражал страстную тоску по свободе.

Эту адамянскую традицию подняла на новую ступень актриса Сирануйш. Драматическую силу ее искусства обычно сравнивают с искусством Элеоноры Дузы и Сарры Бернар. Она исполняла роли Офелии, Катарини, Порции, а в начале нынешнего века выступала на сцене в роли Гамлета. Ее Гамлет, с одной стороны, вдумчивый, размышляющий, с другой — протестующий, восстающий человек. Его увлекает не чувство мести за отца, не стремление овладеть престолом, а мечта заменить иным новым миром окружающую его действительность, проникнуть фальшью и лезть.

Своего Гамлета Сирануйш противопоставила образу созерцающего Гамлета, довольно распространенному в то время как на европейской и русской, так и на армянской сцене. Таким был, например, образ Гамлета Карапета Галфаяна. В противоположность жизнеутверждающей игре Сирануйш, протестующему и борющемуся темпераменту ее Гамлета, Гамлет Галфаяна со своим безнадёжным настроением, стремлением бежать от людей, предпочтением смерти толкал зрителя к безразличию в общественной жизни.

Независимо от того, в какой мере театр представлял шекспировскую пьесу созвучной своему времени, сам зритель, в особенности в тревожные дни, переживаемые страной, воспринимал спектакль в соответствии с духом времени, связывая его с обуревавшими его мыслями. Примечательно в этом отношении свидетельство режиссера Левона Калантара.

В девятисотых годах, в эпоху реакции на армянской сцене ставился спектакль «Венецианский купец». В роли Шейлока выступил Микаэл Манвелян. Манвелян произносил известный монолог, пишет Калантар, с «многострадальным чувством, сильно оттеняя каждое слово». После заключительных слов «Когда нас оскорбляют, неужели мы не должны мстить?», он несколько выжидал и восклицал три раза: «Мстить, мстить, мстить». Эти слова звучали, как лозунги дня, и вызвали бурю рукоплесканий.

Дело Адамяна и Сирануйш продолжали многие актеры: Георг Петросян, Ованес Абелян, Ованес Зарифян, Ваграм Папазян. Можно назвать и другие имена. Все актеры хранили и поддерживали на армянской сцене адамянский дух. При жизни Адамяна и почти три десятилетия после него шекспировский спектакль выражал и вел у нас обычно один актер, наделенный большим талантом. Впоследствии, уже в советском театре, шекспировские сценические заветы поднимаются на совершенно новый уровень.

Не отказываясь от заветов прошлого, советская армянская сцена, как и вообще советский театр, становится на новаторский путь, совершенно по-новому читая старых драматургов, и в первую очередь Шекспира.

Наш театр подчеркивает и акцентирует любовь Шекспира к жизни, его народность, страстную защиту им идеи освобождения человеческой личности, столкновение его героев с окружающей их средой, их стремление изменить существующий в мире порядок.

Не воплощение, хотя бы и гениальное, одного образа, а повы-

шение общего уровня постановок трагедии или комедии, сплочение всех участников для целеустремленного раскрытия замысла спектакля. Лучшим примером этого может считаться постановка «Двенадцатой ночи» В. Аджемьяном в Ленинаканском театре. Игра актеров, работа художника, изобретательная мысль режиссера слились в единое художественное целое. Это был спектакль, который мог оказать честь любой сцене во всем мире.

Высшим выражением трагических образов на советской армянской сцене явился «Отелло» Ваграма Папазяна. Его сверкающий талант получил признание далеко за пределами нашей страны.

Свою игру Папазян построил на трагедии мавра, живущего среди белых людей. Этим он как бы обращал внимание людей на бедственные последствия, к которым приводит разделение людей на «высшие» и «низшие» расы, будь то в Германии или Америке. Таким образом, печальная история венецианского мавра, идущая из глубины веков, получает современный акцент и значение.

Исполнением ролей Отелло, а также Гамлета и Макбета Папазян завоевал славу мирового трагика.

Мы имели и других Отелло, о которых нельзя не говорить. Это Ованес Абелян и Рачия Нерсисян, давшие другое толкование образа Отелло, подчеркнув его высокую человечность и его трагическую гибель в бесчеловечном обществе. Гамлеты также были у нас разные.

На смену мечтательному и тоскующему Гамлету — Нерсисяну двадцатых годов, в сороковых годах пришел свободный от колебаний и подозрений воинственный Гамлет Вагаршяна.

Среди исполнителей комических образов Шекспира прославились Левон Зограбян (Бобя Балч), Рачия Нерсисян (Фальстаф). Свой вклад в советскую армянскую шекспириану внесли Армен Арменян и Микаэл Манвелян. Мкртыч Джанян и Гурген Джанибекян, Авет Аветисян и Давид Малаян, Цолак Америкян и Амбарцум Хачатрян, Арус Восканян и Рузанна Варданян и очень многие другие актеры и актрисы. Рядом с ними стоят режиссеры Аршак Бурджалян, Левон Калантар, Армен Гулакян, художники Меликсет Свахчян, Ара Саркисян, Каро Минасян, композиторы Александр Спендиаров и Арам Хачатурян.

Почти не бывает такого года, чтобы на нашей сцене не ставился шекспировский спектакль. Каждый раз шекспировский спектакль привлекает к себе пристальное внимание всей художественной общности, вызывает оживленные споры и разговоры. Характерным примером может служить постановка «Гамлета» в 1942 году.

По поводу освещения образа Гамлета Вагаршем Вагаршяном было высказано много противоположных, исключающих друг друга мнений, вокруг этого вопроса создавалась целая литература. Литературоведами Арутюном Сурхатяном, Симоном Аюбяном, Ованесом Мамиконяном написаны монографии о жизни и творчестве Шекспира.

Исследованию шекспировской традиции в армянском театре посвящены вышедшие за последние годы труды театроведов Саркиса Меликсетяна, Ваграма Терзибабяна, Луизы Самвелян и других.

Все мы полны уважения к английскому народу, сыном которого является Шекспир. Однако великий английский драматург так сроднился с нами, что мы считаем, что он принадлежит и нам. И совершенно правильно, когда говорят, что в Советском Союзе Шекспир обрел вторую родину.

От Шекспира нас отделяют века. Но он живет с нами, он среди нас, как светоч культуры наших дней. Его искусство волновало и волнует современных людей и составляет им высокое духовное наслаждение.

Рубен ЗАРЯН.

Слово о великом драматурге

С детских лет я мечтал стать актером. Мне тогда казалось, что быть актером — это значит показывать себя...

Однажды мне в руки попалло первое издание Шекспира под редакцией Хеминга и Кондела. Эта книга вышла спустя шесть лет после смерти Вильяма Шекспира. И хотя до этого я был знаком с великими творениями сына Альбиона по многочисленным переводам, подлинник буквально потряс меня. Он был, как яркая молния во мраке. И мне показалось, что я ослеп. Только потом я понял, что нет, я просто научился лучше и зорче видеть и самого себя, и других. Проникать в душевный мир людей. До того я видел человека таким, каким его изображали от Эсхила до Корнея и Расина. Человека, который слепо повиновался року. И только шекспировский Человек предстал передо мной во всем своем поистине космическом многообразии и глубине. Я понял, что человек сам может быть хозяином своей судьбы. С тех пор я стал изучать человека и объяснять его внутренние побуждения. Шекспир научил меня видеть величие человека и бессмертие его дела. Он стал для меня большой книгой, где бумага, слово, мысль непонятны без читателя. Нет читателя — нет книги. С этого дня я стал читать свою книгу, и этому научил меня Шек-

спир. И вот уже полвека я не знаю и не могу сказать: я принадлежу ему или он мне.

Архимед не мог найти точки опоры, чтобы сдвинуть мир. Для Шекспира рычагом изменения мира и точкой опоры — явился Человек. Вот почему я смело могу сказать — мой Шекспир. И я уверен, что он при жизни говорил — мой Человек.

Четыреста лет тому назад этот великий изобразитель человеческих судеб сумел, как никто, показать мощь и беспредельные возможности человеческого разума. Шекспир учит видеть все человеческое, а видеть — это значит любить.

Говорят, Шекспир — англичанин. Верю, что это так, но правильнее сказать — это общечеловеческий гений, вот почему его 400-летие празднует все человечество.

Вильям Шекспир является той точкой в общечеловеческом разуме, где исчезают всякие расовые различия, всякая национальная принадлежность и все человечество как бы становится одной семьей, единой и сплоченной. В этом бессмертие Шекспира, в этом могучая сила его произведений.

Ваграм ПАПАЗЯН,
народный артист СССР.